

Отчет

о работе XIX Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений «Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков»

2 декабря 2020 г.

Поступило 7 вопросов от 7 респондентов следующим авторам: И.С. Слепцовой-Кызласовой, Т.Г. Емельяненко, А.И. Руденко, Т.Ю. Сем.

Высказаны суждения о докладах Л.Ф. Поповой, И.В. Стасевич, Е.Ю. Гуляевой, Б.А. Леоновой.

СЕКЦИЯ 1. Этнокультурная идентификация как социокультурное проектирование

От Наговицыной Марины Петровны, доцента, Вятский колледж культуры

К докладу И.С. Слепцовой (Кызласовой) «Чувство дома: конструирование идентичности в семейных музеях»

Вопрос: «Удалось ли Вам в ходе исследования выявить социально-психологический портрет организаторов домашних музеев? Меня интересует – у истоков музея стоит мужчина или женщина, это материально обеспеченные люди, которые могут позволить себе некоторые реставрационные работы, обеспечение помещения и т. п.? Либо это, в основном, обычные люди, жители сельской местности, которые могут организовать домашний музей на недорогом «домашнем» уровне? И ещё вопрос – это тенденция постсоветского периода, либо истоки данного направления деятельности просматривались и в советское время».

Ответ: «Поскольку семейные (домашние) музеи очень различаются и по тематике, и по целям и возможностям устроителей, и по другим параметрам, невозможно дать какой-либо обобщающий портрет их организаторов. Об этом немного сказано в нашей статье Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С. «Ключ от дома бабушки»: предметные и визуальные нарративы в пространстве семейной памяти // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 276-297. DOI: 10.17223/2312461X/28/16. Еще две статьи по этой теме должны выйти в середине следующего года. Что касается времени их появления домашних музеев, то это тенденция последних лет, что хорошо прослеживается в интернете. В советский период они тоже существовали, только преимущественно в виде коллекций».

От Христенко Алексея Владимировича, н.с., РЭМ

К докладу И.С. Слепцовой (Кызласовой) «Чувство дома: конструирование идентичности в семейных музеях»

Вопрос: «Прослеживается ли по обобщённым Вами полевым и Интернет-материалам возможность выявления и дальнейшей разработки конфликтного аспекта, связанного, например, с ситуацией, когда идея и факт наличия семейного музея разделяются, принимаются как положительные не всеми членами семьи? Всегда ли "встраивание" публичного музея в "интимное" пространство семьи происходит гармонично или возможны столкновения как на уровне сугубо бытовых проблем, так и на более глубоких позициях, выявляющих, возможно, обострение конфликта личностных идентичностей?»

Спасибо за обращение к теме, значимой и перспективной в плане разработки антропологии музея!»

Ответ: «По доступным материалам (интернет и полевым) конфликта между членами семьи не наблюдается. Напротив, в интервью не раз подчеркивалось, что эта деятельность объединила членов семьи и способствовала лучшему отношению к старшему поколению, особенно, когда музей посвящен семейной истории. Если же кто-то из родных не разделяет увлечения организатора музея, то он дистанцируется, не мешая другим заниматься этой деятельностью. Мы встретили только один такой случай, если только мы правильно интерпретировали поведение сестры хозяина музея (но возможно она была озабочена чем-то другим и поэтому не приняла участия в устроенной для нас экскурсии). Как правило, эти музеи привлекают внимание не только посетителей, которые оставляют комплиментарные отзывы, но и местной прессы и ТВ, а это сразу выдвигает семью в ряд выдающихся и повышает ее престиж».

От Пашковой Ирины Викторовны, н.с., Государственный музей «Смоленская крепость»

К докладу И.С. Слепцовой (Кызласовой) «Чувство дома: конструирование идентичности в семейных музеях»

Вопрос: «В какой степени семейные музеи ориентированы на внешнего посетителя, не являющегося членом семьи? Если рассматривать создателей семейных музеев, к каким группам они чаще всего относятся (по религии, достатку, возрасту и т.д.), ведь среднестатистический житель города вряд ли о таком задумается. Можно ли проследить у них какую-либо специфику?»

Ответ: «Специфика этих музеев очень разная: от репрезентации истории семьи (с т.ч. составление генеалогии) до демонстрации талантов членов семьи и их увлечений. Устроители — люди самые разные: от крестьян, которым дороги старые вещи как память об их юности и до наших коллег (например, в СПб есть замечательный музей, организованный дочерью Н.В. Юхневой в ее память). Тем эти музеи и интересны, что их формат и наполнение экспозиций настолько разнообразны, что позволяют исследовать происходящие процессы и в культуре, и в обществе, и в психологии индивида и социума».

От Сумко Елены Вячеславовны, доцента кафедры истории и туризма, Полоцкий государственный университет, Беларусь

К докладу И.С. Слепцовой (Кызласовой) «Чувство дома: конструирование идентичности в семейных музеях»

Вопрос: «Как семейные (домашние) музеи продвигают свой продукт, и заинтересованы ли они в этом? Если они рассчитаны только на семейную аудиторию, то какое будущее у таких музеев в длительной перспективе?»

Ответ: «Если эти музеи являются бизнес-проектом, то они стараются по возможности широко представить себя в интернете, помещая информацию на различных туристических сайтах и в Отзовиках. Те же, что больше ориентированы на семейный круг, как правило, предоставляют доступ посетителям по договоренности и стоимость посещения часто чисто символическая. Длительность существования домашних музеев зависит от установок их владельцев. Есть музеи, которые поддерживаются уже третьим поколением. Они не зависят от конъюнктуры и могут позволить себе существовать или закрыться в зависимости от желания их хозяев. В гораздо худшем положении оказываются музеи, которые имеют бизнес-составляющую, сейчас многие из них

закрываются. Этот вопрос рассматривался на конференции, посвященной частным музеям, но я мало отслеживаю эту проблему. Есть хороший справочник «Частные музеи России» (он представлен в интернете)».

От Степановой Ольги Борисовны, к.и.н., н.с., Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН

К докладу Е.Ю. Гуляевой «Чей лаваш?»: кулинарные аспекты националистического дискурса»

Отзыв: «Интересный доклад. Хочу заметить, что у народов севера Сибири есть свой "лаваш", а именно, "селькупский хлеб", "ненецкий хлеб", "хантыйский хлеб" и т.д. Рецепт этого хлеба у всех народов, по крайней мере в границах Западной Сибири, одинаков. Спора о том, у кого этот хлеб появился раньше, между народами нет (к ним ко всем хлеб пришел от русских вместе с мукой). И поскольку в Западной Сибири процессы формирования у коренных народов севера новой этничности во многом регулируются региональной властью, возникает ощущение, что национальным символом (в границах Западной Сибири) его пытаются сделать только у селькупов. Думается, что хлеб был выбран символом этничности селькупов за неимением у них других подходящих для этой роли объектов, таких как малица (у ненцев), куклы (у хантов) и пр.».

СЕКЦИЯ 2. Компоненты и маркеры этнокультурной идентичности: динамика и вариативность

От Степановой Ольги Борисовны, к.и.н., н.с., Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН

К докладу Л. Ф. Поповой, И. В. Стасевич «Современная свадебная обрядность казахов как феномен этничности»

Отзыв: «Блеск!»

СЕКЦИЯ 3. «Мы – они» в образах идентичности

От Внуковича Юрия Иосифовича, с.н.с., Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Беларусь

К докладу Б.А. Леоновой «Корчма vsкабак: питейное заведение как этнокультурный знак в научно-литературном дискурсе пореформенной России»

Отзыв: «Доклад очень интересный! В белорусском контексте эта тема также очень актуальна и символична. Например, во "Взгляде на историю и этнографию западных губерний России" (1864) Р.Ф. Эркerta, корчма выступает одним из маркеров отличительности западных ("ненастоящих") и восточных ("собственно") белорусов: «В нравах и роде жизни западных, не настоящих белорусов, сильно обнаруживается польское влияние; но у них до сих пор и не было почти никакой связи с великорусами. Они бреют бороду и усы, одеваются очень бедно и имеют темный цвет лица. Общественные удовольствия их заключаются в музыке (скрипка) и пляске; для последней они собираются по праздникам в корчме (совершенно польском заведении, составляющем резкую противоположность чисто русскому постоялому двору) и попарно, мужчина с женщиной, пляшут польские танцы». В целом, как мне кажется, это питейное заведение в

19 веке можно рассматривать как своего рода историческое наследие Великого Княжества Литовского, объединявшего предков современных белорусов, литовцев, украинцев, и даже части русских».

Ответ: «...Очень хорош приведённый Вами фрагмент из Эркерта. Другие его современники тоже не отрицали польского влияния на корчемный быт западных губерний. Мне же было интересно, что для ряда русских авторов корчма становится не только следом польского влияния, а неким знаком «подлинно-славянского»... И здесь, безусловно, истоки видятся ими в более древних временах исторического единства, о которых и Вы говорите. И этот вопрос сам по себе весьма интересен. Но, конечно, в моём докладе осветить данный вопрос намерения не было. В фокусе внимания были не реальные причины формирования того или иного типа питейного заведения, а рефлексии этнического самосознания по этому поводу.

Кстати, Эркерт, как видно из цитаты, сравнивает корчму с постоялым двором, каковой, на самом деле, имеет больше общего с корчмой, чем кабак. Всё-таки в этом противостоянии символов по-настоящему противопоставление работает именно в отношении кабака. Символические его черты выражены предельно. Не даром и само слово процветает в языке в своих образно-метафорических измерениях».

СЕКЦИЯ 4. Феноменология этнокультурной идентичности

От Маликова Азима Манноновича, с.н.с, Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия

К докладу Т.Г. Емельяненко «Проблема этнокультурной ассимиляции в современной истории бухарских евреев»

Вопрос: «Очень интересный материал по идентичности бухарских евреев. Не могли бы Вы посоветовать мне наиболее фундаментальные публикации профессиональных историков-этнологов из числа бухарских евреев, которые в настоящее время занимаются этнографией и идентичностью бухарских евреев?»

Ответ: «К сожалению, таких нет. Были профессиональные историки, но последний, уже пожилой человек, умер в начале этого года. А этнографов, бухарских евреев, никогда не было и не предвидится, увы. Бухарских евреев вообще изучают незаслуженно мало, я знаю только троих исследователей, они историки (двое в Америке и один в Израиле), каждый занимается разными периодами – дореволюционным, советским и отдельно религиозными аспектами. А этнографией и современными процессами в идентичности занимаюсь пока только я одна. Но если о современных американских, канадских или европейских бухарских евреях у меня довольно хорошее представление благодаря поездкам и личным контактам, то об израильских – сведений мало. В Израиле их тоже никто не изучает в плане идентичности и этнографии, там вообще такой науки нет. Несколько лет назад один бухарский еврей, аспирант Института Бен-Цви, хотел взять этнографическую тему и даже просил меня быть его научным руководителем, но ему отказали, и сейчас он пишет диссертацию по истории образования у бухарских евреев до революции».

СЕКЦИЯ 5. Традиционная культура – источник смыслов и символов для идентичности

От Шильевой Людмилы Геннадьевны, зав. кафедрой социально-культурной деятельности, Вятский колледж культуры

К докладу А.И. Руденко «Ительменский обрядовый праздник «Вскрытие реки Каврал» (по

наблюдениям 2015 года в с. Ковран Камчатского края)»

Вопросы: «Насколько этот праздник является древним? Какие старинные обрядовые действия используют организаторы праздника сегодня? Как молодежь относится к этому празднику, насколько активно принимает участие в нем?»

Ответ: «Праздник исследован российскими учеными В. К. Арсеньевым и Е. П. Орловой в начале XX века. Он является промысловым, связан с рыболовством. Я считаю, что этот обряд зародился не в XX веке, а как и праздник «Алхалалай» (Благодарения природе), не позднее XVIII века... Ительмены подверглись влиянию русской культуры. Об этом свидетельствовал С. П. Крашенинников, исследователь Камчатки, в 40-е годы XVIII века.

Об обрядовых действиях, которые используют организаторы праздника. К старинным обрядам относятся следующие.

1. Обряд с косичкой, плетеной из травы. В косу вплетают лососевые породы рыб и тянут косу против течения реки.
2. Обряд опускания в воду реки куски коры тополя с кусками рыбы (корюшки).
3. Обряд обхода по кругу Нузавуча, покровителя моря, и нанизывания на его остов пучков рыбы.
4. Обрядовые ительменские танцы и песни у подножия Нузавуча.
5. Обряд возвращения в село по тропе предков.

Молодежь принимает активное участие в празднике. Проводят обряд молодые люди, артисты «Эльвеля». Молодежь из с. Ковран – это хозяйева исторического обрядового действия. Из сел Усть-Хайрюзово, Верхнее Хайрюзово приезжают девушки и юноши, подростки для участия в обрядах. Это праздник для людей любого возраста.

К празднику молодежь относится положительно. У всех прекрасное настроение, многие участвуют в конкурсной программе».

От Руденко Аллы Ивановны, свободного исследователя

К докладу Сем Т.Ю. «Традиционные аспекты этнокультурной идентичности в вещном мире нивхов»

Вопрос: «Доклад интересный, содержательный по своей структуре. Очень ценно то, что он наполнен фактами, представляющими культуру нивхов. Опишите, пожалуйста, резной орнамент на ложках нивхов».

Ответ: «Нивхи украшали ложки для медвежьего праздника переплетенным веревочным орнаментом и скульптурами медведей. В культуре нивхов орнамент играл важную роль, отражая мировоззрение и эстетику их культуры. Подробнее читайте работы С.В.Иванова, Н.В.Кочешкова, П.Я.Гонтмахера».